

Давыдов-Анатри, В. Гордость родной поэзии

Более тридцати лет я знал Петра Петровича Хузангая, много приходилось бывать вместе с ним, ездить, беседовать. И всегда было приятно сознавать, что есть у нас, в Чувашии, поэт с таким весомым именем.

Памятна поездка в Москву, на съезд писателей Российской Федерации. Хузангай был избран тогда в президиум, на одном из заседаний съезда председательствовал и выступил с речью. Позже я слышал восторженные отзывы об этой речи от своих знакомых литераторов. О Хузангае они говорили как о человеке высокой культуры - и в поэзии, и в жизни. В фойе Колонного зала Дома союзов были тогда вывешены дружеские шаржи на известных российских писателей. У руля писательской организации-корабля в матросской форме был изображен Леонид Соболев. Среди впередсмотрящих на рисунке увидел я и Хузангая.

Однажды я прочитал новую книгу Педера Хузангая «Песни Тили». О таких вот стихах, наверное, говорят: в поэзии звучит душа народа. Для меня секрет их обаяния заключается прежде всего в глубоком осмыслении поэтом народного творчества. И это не слепое подражание фольклору, а талантливое постижение поэтической сущности души родного народа. Свое восхищение «Песнями Тилли» я высказал тогда в газетной статье. Чуть позже чувашские поэты обсудили книгу Хузангая на своем творческом заседании (я, кстати, делал на нем доклад) и единодушно заключили - это добрый подарок поэта своему читателю. Хузангай поблагодарил всех за добрые слова, а мне подарил «Песни Тилли» с автографом.

Встреча с настоящей поэзией всегда волнует людей. Хузангай как-то заметил, что там, где появляется поэзия, в сердцах людей поселяется радость. Не раз приходилось видеть, как воздействовали на читателей стихи самого Хузангая и как естественно проявлялась их любовь к народному поэту.

Весной 1962 года он участвовал в литературном вечере в Яльчиках. Районная газета поместила к этому дню литературную страницу,

культпросветработники оформили фотовыставку «Наши любимые писатели», витрину с чувашскими книгами. Бойко шла торговля книгами. Мы прямо у прилавка надписывали на книгах теплые слова, давали автографы. Висели плакаты со строками Михаила Сеспеля, Константина Иванова и Педера Хузангая. Петр Петрович, написав на очередной протянутой ему книге автограф, обернулся к нам и заметил: «Умеют в Яльчиках проводить вечера поэзии». Потом, уже со сцены, мы читали свои стихи. Когда поднялся Хузангай и с большим подъемом прочел стихотворение «Были мы, и есть, и будем», в Доме культуры раздались бурные аплодисменты. Сразу после вечера сельчане окружили его со всех сторон, и это показалось мне очень трогательным.

Побывали мы и в моих родных местах, выступали перед тружениками Батыревского района. Слушали нас с неподдельным интересом, задавали много вопросов. Хузангай от души радовался, что мои земляки знают и любят родную литературу. В книге записей школьного музея в Арабусях он пожелал, чтобы на берегах Булы - на родине Митты и многих других чувашских писателей - появлялись все новые и новые мастера слова. И, подумав, дописал: «Да будет так!». Сам я с гордостью и уважением могу сказать: в цветущий сад поэзии меня ввели Васyleй Митта и Педер Хузангай.

Внимательность к людям, чуткость были в характере Хузангая. Как часто в суеете современной быстротекущей жизни нам не хватает именно вот такой бескорыстной внимательности и участия друг к другу. Вспоминается встреча после Великой Отечественной войны. Петр Петрович пришел тогда ко мне на квартиру, долго слушал мои новые стихи. И не просто слушал, но делал замечания, давал советы. А уходя, сказал: «Попробую вот эти два стихотворения перевести на русский язык...»

Он был человеком слова. Если что обещал, то непременно делал. Прошло совсем немного времени - и я прочитал переводы своих стихотворений «Светлая мечта» и «Баллада о сабле». Приятно удивило и обрадовало то, как Хузангай бережно при этом отнесся и к внешней форме стихов, и к их внутренней сути. Как-то зашла речь о моей поэме «Чемень и Мерчень». Хузангай подбодрил: «Ты

доброе дело сделал, Васyleй...» В другой раз, приди в правление Союза писателей и поздоровавшись со всеми за руку, он заулыбался, подойдя ко мне: «Знаешь, твою песню «Прости, жакта» Ангел Тодоров опубликовал в журнале «Болгаро-советская дружба». Я, конечно лес, был обрадован и сразу спросил, где можно увидеть этот болгарский журнал. «У Хузангая есть, пошли, посмотришь», - сказал Петр Петрович, улыбаясь. После, уже в его квартире, он говорил мне: «И тебе, браток, надо побывать в Болгарии. Такие поездки дают человеку крылья, помогают лучше узнавать и находить друзей. Он подошел к книжной полке и продолжил: «Вот здесь книги, подаренные мне друзьями». Что и говорить, полка была богатая. Много было на ней книг болгарских авторов. Да, Ангел Тодоров правильно заметил: «Хузангай - один из тех, кто строит мост дружбы между чувашским и болгарским народами». Надо сказать, что Хузангай свободно писал и говорил по-болгарски.

Память хранит многое - серьезное и веселое, грустное и забавное. С каким пониманием глубинной сути Народной души он пел чувашские песни. За одной из них так и сохранилось название «Песня Хузангая». Ехали мы поездом, неторопливо вели разговор. И тут я обратил внимание, что голова Петра Петровича обвязана небольшим белым платком, и не удержался, спросил: «Зачем это?» «А чтоб пыль не садилась», - ответил он. До начала выступления в филармонии, на вечере, посвященном 70-летию со дня рождения Михаила Сеспеля, Степан Антонович Шавлы и я в шутку сказали ему: «Петр Петрович, ты завладел всеми премиями - и премией Иванова, и премией Сеспеля. Хоть бы одну оставил нам». Хузангай понял шутку и дружелюбно ответил: «А вы не спешите, вы получите премию Хузангая».

Это было последнее мое выступление с Хузангаем перед большой аудиторией. Здоровье поэта становилось все хуже и хуже. Его положили в больницу.

...Сердце мое сжалось, настолько поразило тогда вид дорогого мне человека. Хузангай похудел, лицо его стало землянистого цвета. «А я вот тебе гостинцев принес. Может отведаешь? - предложил я, стараясь говорить тихо, неспешно.

Петр Петрович спросил: «Какие новости принес?» Узнав, что мы с А. Эсхслем и М. Евстафьевым побывали в совхозе «Передовик» Моргаушского района на встрече с читателями, заметил: «Хорошее дело, писателям надо быть вместе с народом». И посетовал на то, что из-за болезни не имеет возможности писать стихи. Я, как мог, пытался успокоить его, сказал, что сделаное им для насел литературы так огромно, что сокрушаться о несделанном вряд ли следует.

— Ненаписанного много, - проговорил Хузангай. - Еще о многом бы надо написать.

В другой раз я рассказал Петру Петровичу о готовящемся заседании секции поэзии. Петр Петрович попросил передать привет всем участникам заседания, посоветовав: .

— Секцию проведите деловито. По пустякам не спорьте. Называйте вещи своими именами - хорошее хорошим, плохое плохим.

Я часто приходил к нему в палату. Было невыразимо тяжело смотреть, как сильный духом, жизнелюбивый человек, сохраняющий ясность ума, трезвость суждений, мучительно борется с недугом, коварной болезнью.

- Закроешь глаза - и представляется вся прошедшая жизнь. Даже слышу, как пчелы жужжат в саду...

Пророческими оказались его строки:

Далекий брат, свидетель
жизни новой,

Пусть до тебя дойдет живое слово -

Вот этот стих, что нынче
я кладу

Венком на гроб,

с молчаньем не в ладу;

Быть может, бросив горсть земли сырой.

Помянешь ты меня моей
строкой...

Совет. Чувашия. – 1987. – 17 янв.